

Вильчинская А. Г.

Институт іноземної філології НПУ імени М. П. Драгоманова

«Я НЕНАСЫТНА НА ВАШУ ДУШУ И БУКВЫ»: ОБРАЗ А. А. АХМАТОВОЙ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ КОНТИНУУМЕ ПРОЗЫ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Статья посвящена анализу особенностей функционирования образа А. А. Ахматовой в метафорическом континууме прозы М. И. Цветаевой. Рассмотрены яркие примеры, охарактеризованы основания для взаимоперехода между метафорами. Анализ этих метафор привел к выводу, что А. А. Ахматова имела для М. И. Цветаевой большое значение. Её образ возникал не только в поэзии, но и в прозе, и рассматривался, прежде всего, в контексте творческого начала. Выяснено, что некоторые мотивы в творчестве А. А. Ахматовой и М. И. Цветаевой перекликались, но сама М. И. Цветаева своё значение умаляла, подчёркивая превосходство А. А. Ахматовой.

Ключевые слова: А. А. Ахматова, М. И. Цветаева, метафорический континуум, образ, диалог.

Постановка проблемы. В очерке «Нездешний вечер», посвященном вечеру поэзии памяти М. А. Кузмина, М. И. Цветаева писала о своей декламации стихов А. А. Ахматовой: «Всем своим существом чую напряженное – неизбежное – при каждой моей строке – сравнение нас (а в ком и – стравливание)» [9, т. 4, с. 287]. Кажущиеся правдоподобными взаимоотношения поэтов не были таковыми, по крайней мере, со стороны М. И. Цветаевой. Цель настоящего исследования – рассмотреть отношение М. И. Цветаевой к А. А. Ахматовой не с точки зрения оппозиции двух творческих универсумов, а с позиции благоговейного восхищения, которое М. И. Цветаева искренне испытывала к своей Музе («*всё, что я имею сказать, – осанна!*» [9, т. 6, с. 203]).

Анализ последних исследований и публикаций. В прозе М. И. Цветаевой, послужившей материалом исследования, все упоминания об А. А. Ахматовой находят воплощение в метафорах. Итогом многовекового изучения метафоры стало признание её одним из наиболее значимых средств языковой репрезентации ментальных операций (Н. Д. Арутюнова, Л. П. Иванова, В. А. Маслова, А. А. Потемня). Данная работа посвящена одной из наиболее актуальных в настоящее время проблем – анализу отдельного образа, эксплицируемого посредством метафор. Многие лингвисты и литературоведы (М. И. Белкина, Л. В. Зубова, Т. Ю. Максимова, Т. А. Пахарева) неоднократно анализировали, прежде всего, лирику М. И. Цветаевой, посвящённую А. А. Ахматовой («*Стихи к Ахматовой*», сборник «*Версты*» и др.). Темати-

ческий диапазон исследований огромен, тем не менее данную тему нельзя назвать исчерпанной.

Постановки задачи. Не затрагивая поэтическую сферу, разногласия, касающиеся понимания А. С. Пушкина, и вопрос межличностных отношений (единственную встречу двух поэтов А. А. Саакянц назвала «знакомством-невстречей» [5, с. 53]), обратимся к прозаическому наследию М. И. Цветаевой – эссе, письмам, записям в сводных тетрадах, в которых поэт даёт свою оценку поэтическому гению А. А. Ахматовой.

Изложение основного материала. М. В. Ляпон называет М.И.Цветаеву поэтом-когнитологом, эталоном соединения в одном человеке аналитического мышления и талантливой интуиции [4, с. 158]. В текстах М. И. Цветаевой статусом смысловой доминанты обладает индивидуально-авторская метафора – нестандартное перенесение значения слова из одного семантического поля в другое на основе имплицитной связи понятий. С целью комплексного анализа метафорической системы нами было введено понятие «метафорический континуум» [2]. Метафорический континуум – это процесс развития метафор в границах одного или нескольких текстов, особенность которого заключается в непрерывной и детерминированной корреляции метафор. Функционирование системы метафор в рамках одного текста может осуществляться по цепи и в виде нескольких параллелей, в связи с чем нами вводятся понятия монотекстуальный горизонтальный метафорический континуум и монотекстуальный вертикальный метафорический континуум.

Монотекстуальный горизонтальный метафорический континуум – это процесс развития и трансформации метафор, функционирующих в пределах одного текста, состоящий в последовательном линейном соединении метафор между собой. В свою очередь, в вертикальном континууме метафоры представляют собой систему форм, внутри которой превалируют отношения сопоставления либо противопоставления между двумя отдельно взятыми метафорами. Следует отметить, что в контексте прозаического наследия М. И. Цветаевой в вертикальном метафорическом континууме образ А. А. Ахматовой не зафиксирован, что говорит о его особом статусе в аксиологической сфере языковой личности М. И. Цветаевой.

В прозаических текстах М. И. Цветаева называет А. А. Ахматову «гостьей – из страны Любви» [9, т. 5, стр. 211]. В записных книжках поэта ориентационная метафора «страна Любви» (*Любовь – не состояние, а страна* [8, с. 180]) противопоставляется «стране Увы» [8, с. 276].

М. И. Цветаеву интересует в первую очередь автор и его произведения, поэтому А. А. Ахматова закономерно упоминается в контексте своего творчества. Сохранилось лишь 3 письма, отправленные М. И. Цветаевой А. А. Ахматовой. В них поэт посредством ситуативных, артефактных и соматических метафор демонстрирует восторг от стихов А. А. Ахматовой (*«Ничего не ценю и ничего не храню, а Ваши книжечки в гроб возьму – под подушку!* [9, т. 6, с. 200], *«Я понимаю каждое Ваше слово: весь полет, всю тяжесть»* [9, т. 6, с. 201]).

В упомянутом выше очерке «Нездешний вечер» М. И. Цветаева писала: *«Соревнование, в каком-то смысле, у меня с Ахматовой – было, но не «сделать лучше нее», а – лучше нельзя, и это лучше нельзя – положить к ногам. Соревнование? Рвение. Знаю, что Ахматова потом в 1916-17 году с моими рукописными стихами к ней не расставалась и до того доносила их в сумочке, что одни складки и трещины остались. Этот рассказ Осипа Мандельштама – одна из самых моих больших радостей за жизнь»* [9, т. 4, с. 287].

Артефактная метафора, выполняющая изобразительную функцию, переходит в ситуативную метафору (*это лучше нельзя – положить к ногам*). Подводя итог данной мысли, М. И. Цветаева завершает её альтернативой общему мнению. Отвергая мотив соперничества между поэтами двумя другими ситуативными метафорами (*Соревнование? Рвение*), автор ясно даёт понять, что подчёркивает превосходство А. А. Ахмато-

вой, поскольку в слове *рвение* на передний план выходит значение стремления к чему-то [7].

«Есть поэты, которые начинают с минимума и завершают максимумом, а есть такие, которые, начав с максимума, кончают минимумом (усыхание творческой жилы). А есть и такие, которые, начав с максимума, на этом максимуме держатся до последней строки. Из наших современников это – уже упомянутые Пастернак и Ахматова. Они никогда не давали ни больше, ни меньше, всегда оставаясь на максимуме самовыражения. Если путь одних есть путь самораскрытия, то в таком случае у них вообще нет пути. Они отродясь здесь. Их детский лепет уже данность, а не источник» [9, т. 5, с. 408].

Согласно нашим наблюдениям, в прозе М. И. Цветаевой образ поэта как такового раскрывается в нетривиальных метафорических моделях, таких как «поэт → Бог», «поэт → монарх», «поэт → дерево», «поэт → вулкан», «поэт → оружие», «поэт → небесное тело», «поэт → химическое вещество». Особое место в этом ряду занимает также перенос «поэт → ребёнок» (*Ибо ребенок, как никто, верен слову и верит в слово* [9, т. 5 с. 501]; *Творец-ребёнок (Бальмонт) и творец-рабочий (Брюсов)* [9, т.4, с. 52]). Таким образом, всякий пример соотношения детского и поэтического начала в устах М. И. Цветаевой является комплиментом, в частности, указанная выше метафора *детский лепет*.

Что у нас от этой повести остаётся? Пастернаковы глаза. Но больше скажу: эти Пастернаковы глаза остаются не только в нашем сознании, они физически остаются на всём, на что он когда-либо глядел – в виде знака, меты, патента, так что мы с точностью можем установить, пастернаковский это лист, или просто. Как я некогда, совсем иначе, лирически и иносказательно:

И все твоими очами глядят иконы!

– об Ахматовой, так нынче, вполне достоверно и объективно, о Пастернаке:

И все твоими очами глядят деревья! [9, т. 5, с. 382]

Образы «знака, меты, патента», «пастернаковский это лист, или просто», «И все твоими очами глядят деревья!» – всё это в некотором смысле описывает процесс возникновения ассоциаций. Образ глаз, оставшихся на всём, на что когда-либо глядел поэт – это фактически его стихи, то есть словесное воплощение увиденного и прочувствованного. Следовательно, читатель, способный до конца понять строки Б. Л. Пастернака, его пере-

живания, непременно ощутит то же, оказавшись в ситуации, подобно той, которая вдохновила поэта, – и вспомнит его слова. Подобная сторона гениальности, по мнению М. И. Цветаевой, присуща в некотором роде избранным поэтам, поскольку она частично трансформирует, заменяя объекты действия, свои же слова об А. А. Ахматовой («И все твоими очами глядят иконы!») – строка из стихотворения М. Цветаевой «У тонкой проволоки над волной овсов...» (1916), посвященного А. А. Ахматовой). В этом решении вновь видится стремление М. И. Цветаевой поставить в один ряд образы поэтов, которыми она восхищалась. Таким образом, автор в своём прозаическом тексте трансформирует метафору из своего же поэтического текста, что является примером межтекстуального континуума. Напомним, третий тип метафорического континуума – межтекстуальный метафорический континуум – совокупность мыслительных констант, неоднократно проявляющихся в речи автора в течение всей его жизни и находящие выражение в метафорах. Их анализ совершается с позиций надтекстового пространства, без учёта границ и жанров текстов, а также времени их создания. Межтекстуальный метафорический континуум – порождение авторской ментальности, жизненного опыта, обусловивших идентичные ассоциации, в данном случае – сильное впечатление, вызванное стихами А. А. Ахматовой и Б. Л. Пастернака.

Мне никогда не приходилось слышать, чтобы об Ахматовой – или о Пастернаке – кто-нибудь сказал: «Всегда одно и то же! надоело!» – как нельзя сказать: «Всегда одно и то же» – о море, которое, по словам того же Пастернака:

Придается все, лишь тебе не дано примелькаться,

Дни проходят, и годы проходят, и тысячи, тысячи лет...

Ибо и Ахматова, и Пастернак черпают не с поверхности моря (сердца), а со дна его (бездонного). [9, т.5, с. 404].

Данный фрагмент относим к примеру межтекстуального метафорического континуума. Ассоциация с образом моря, представленным в стихотворении Б. Л. Пастернака, подтолкнула М. И. Цветаеву к трансформации этого образа, созданию метафоры – море как необъятный и глубокий простор соотносится с безграничностью и несоизмеримостью творческого потенциала истинных поэтов, на что указывает метафора (*не с поверхности моря (сердца)*), переходящая в другую локально-пространственную метафору

(*со дна его (бездонного)*). И если соматическая метафора *сердце* как репрезентация искренности поэта, его неспособности лгать и лукавить в творчестве предстаёт первоочерёдным и очевидным фактором, понятным каждому, то существование предела этих возможностей М. И. Цветаева ставит под сомнение. Обращение к образам А. А. Ахматовой и Б. Л. Пастернака в данном и других примерах, стремление поставить их в один ряд, не сопоставляя и не противопоставляя друг другу, говорит о том, что качества этих поэтов, их отношение к творчеству понимались М. И. Цветаевой как некий эталон поэтической сущности.

«*Поэт в любви*». Нет, ты будь поэтом в помойке, да [8, с. 240]. Представленная метафора вызывает ассоциации со строками А. А. Ахматовой в стихотворении «Мне ни к чему одические рати»: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда» [1, с. 277]. Назвать эти отношения интертекстуальными мы не можем, поскольку тезис М. И. Цветаевой был записан в тетради в 1923 году, а опубликован лишь в 1995 г., тогда как стихотворение А. А. Ахматовой датируется 1940 г. Таким образом, в данном случае исключается возможность стремления одного автора посредством метафоры отправить читателя к тексту другого, что позволяет нам отнести данное совпадение к ментальным изоглоссам. Согласно определению Ю. С. Степанова, ментальные изоглоссы – это совпадения в творениях разных авторов (будь то картина, слово, мысль), не основанные на личном знакомстве или знании [6, с. 34]. В указанной ситуации это сходство ассоциаций двух авторов, связанных с творческим процессом. Также анализируемое совпадение можно рассмотреть в контексте эпохи (поэты были современниками), равно как в этническом контексте (поэты родом из России). Слова поэт в любви взяты автором в кавычки, по всей видимости, как речевое клише, которое некоторым людям свойственно употреблять, определяя первопричину творчества. Кавычки добавляют высказыванию ироничности, оценивая упомянутое мнение (что любовь является вдохновением и стимулом к творчеству) как примитивное и поверхностное. М. И. Цветаева не раз указывала на своё отторжение образа взаимной любви, более того, не признавала данное явление продуктивным (Но дело даже не в боли, а в несвойственности для меня взаимной любви, к<отор>ую я всегда чувствовала тупиком: точно двое друг в друга упёрлись – и всё стоит [8, с. 462]). Слово «помойка» выступает контекстуальным антонимом слову «любовь».

Попытка классифицировать вид данных метафор открывает глубинный смысл, заложенный поэтом, поскольку одновременно отсылает нас к разным тематическим виткам метафорического континуума. В зависимости от того, какую лексему считать доминирующей, определяем тип метафоры. Так, «любовь» заставляет воспринимать в данном контексте «помойку» неким чувством, переводя прямое значение существительного в переносное, где «место для мусора» понимается как характеристика душевного состояния. В таком случае перед нами ситуативная метафора. Если же, наоборот, «любовь» входит в сферу влияния слова «помойка», она мыслится неким пространством (упомянутая выше «страна Любви»), что позволяет отнести метафору к локально-пространственным. Не исключено, что автор хотел сделать возможными оба прочтения, с учётом использования достаточно смелого образа, резко контрастирующего с общепринятым восприятием поэзии как чего-то неземного и торжественного. В этой связи, следует отдать должное обоим поэтам (М. И. Цветаевой и А. А. Ахматовой), поскольку они были женщинами, и, тем не менее, не побоялись посредством отнюдь не поэтического образа

не унижить, а, напротив, возвысить своё предназначение. В связи с этим синтаксическая оформленность предложения указывает на то, что автор пытается отстраниться от чуждого ему понимания (ср. «Поэт в любви – нет»), помещая в одной конструкции отрицание мнения и альтернативу ему: Нет, ты будь поэтом в помойке, да. Таким образом, диалог двух авторских позиций, реализующийся в сфере метафор, позволяющий говорить об интертекстуальном как разновидности межтекстуального метафорического континуума.

Выводы. Таким образом, анализ приведённых метафор позволяет заключить, что А. А. Ахматова имела для М. И. Цветаевой большое значение, её образ возникал не только в поэзии, но и в прозе, и рассматривался, прежде всего, в контексте творческого начала. По силе поэтического таланта М. И. Цветаева ставила А. А. Ахматову в один ряд с Б. Л. Пастернаком, которого, как известно, называла своим братом и единомышленником. Рассмотренные нами метафоры демонстрируют, что некоторые мотивы в творчестве А. А. Ахматовой и М. И. Цветаевой перекликались, но сама М. И. Цветаева своё значение умалывала, подчёркивая превосходство А. А. Ахматовой.

Список литературы:

1. Ахматова А. А. Собрание сочинений в 2 томах. Т.1 / А. А. Ахматова. М. : Правда, 1990. 447 с.
2. Вильчинская А. Г. Образ поэта в метафорическом континууме прозы М. И. Цветаевой: лингвокогнитивный и функциональный аспекты [Текст] : дисс. ... канд.филол.наук : 10.02.02.; НАН України, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. Київ, 2017. 242 с.
3. Иванова Л. П. Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»): [учебное пособие к спецкурсу] / Л. П. Иванова. К. : Освіта України, 2006. 140 с.
4. Ляпон М. В. Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора / М. В. Ляпон. М. : Языки славянской культуры, 2010. 528 с.
5. Саакянц А. А. Марина Цветаева : Жизнь и творчество /А.А. Саакянц / А. А. Саакянц. М. : Эллис Лак, 1997. 816 с.
6. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. М. : Школа "Языки русской культуры", 1997. 324 с.
7. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. М. : Альта-Принт, ООО Издательство «Дом. XXI век», 2008. 1239 с. 339
8. Цветаева М.И. Неизданное. Сводные тетради / Подготовка текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной и И. Д. Шевеленко / М. И. Цветаева. М. : Эллис Лак, 1997. 640 с.
9. Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7-ми т. М.: Эллис Лак, 1994 – 1995.

Вільчинська А. Г. «Я НЕНАСИТНА НА ВАШУ ДУШУ І БУКВИ»:

ОБРАЗ А. А. АХМАТОВОЇ У МЕТАФОРИЧНОМУ КОНТИНУУМІ ПРОЗИ М. І. ЦВЕТАЄВОЇ

Стаття присвячена аналізу особливостей функціонування образу А. А. Ахматової в метафоричному континуумі прози М. І. Цветаєвої. Розглянуто яскраві приклади, охарактеризовані підстави для взаємопереходу між метафорами. Аналіз цих метафор привів до висновку, що А. А. Ахматова мала велике значення для М.І. Цветаєвої. Її образ виникав не тільки в поезії, але й в прозі, і розглядався, перш за все, в контексті творчого начала. Виявлено, що деякі мотиви в творчості А. А. Ахматової й М. І. Цветаєвої перегукуються, але сама М. І. Цестаєва своє значення зменшувала, підкреслюючи перевагу А. А. Ахматової.

Ключові слова: А. А. Ахматова, М. І. Цветаєва, метафоричний континуум, образ, діалог.

Vilchynska A. H. «I AM INSATIABLE ON YOUR SOUL AND LETTERS»: IMAGE OF A. AKHMATOVA IN THE METAPHORICAL CONTINUUM OF PROSE OF M. TSVETAEVA

The article is devoted to the analysis of the features of the Functioning of the image of A. A. Akhmatova in the metaphorical continuum of prose of M. I. Tsvetaeva. Considered vivid examples, described the grounds for the mutual transition between metaphors. The analysis of these metaphors led to the conclusion that A. A. Akhmatova had for M. I. Tsvetaeva is a great value. Her image appeared not only in poetry but in prose, and was seen primarily in the context of creativity. Found that some motifs in the works of A. A. Akhmatova and M. Tsvetaeva echoed, but the M. I. Tsvetaeva its importance has diminished, emphasizing the superiority of A. A. Akhmatova.

Key words: *A. Akhmatova, M. Tsvetaeva, metaphorical continuum, image, dialogue.*